

ВОЗВРАЩЕНИЕ



ВЛАДИМИР ЧЕРНЯВСКИЙ
Родился в 1974 году
в г. Унмерге Литовской ССР.
Победитель Всероссийского
литературного конкурса
к 110-летию Игнатия Рожде-
ственного, литературного
конкурса к 160-летию со дня
рождения А.П. Чехова,
конкурса «Буманный слон

№ 12», конкурса «Нубон
Брэдбери — 2020». Рассказы
публиковались в журналах
«Сервер», «Байнал»,
«Аврора», крафтовом журнале
«Рассказы», конкурсных
сборниках «Мю Цефея»,
«Нвазар», в сборниках изда-
тельства «Перисноп».
Живет в Москве.

Лужи мелькали перед капотом, прерывистая разметка слилась в сплошную белую линию. Дорога резко ушла вправо, за холм. Герман сбросил скорость и вывернул руль. На мокром асфальте внедорожник пошел юзом и, накренившись, вылетел на встречную полосу. Гравий с обочины ударил в днище. Герман крутанул руль влево, дал газ. Машина взревела, выровнялась и вернулась на асфальт.

Внедорожник свернул в ближайший карман и остановился. Герман выбрался из салона. Раскурил сигарету, пытаясь унять дрожь в руках. За холмом открылась широкая долина. Сосны зелеными пятнами спускались до едва различимой голубой полоски моря. Едкий табачный дым смешивался с запахом недавнего дождя. Герман залюбовался пейзажем. Мысли успокаивались. Сейчас он сядет за руль и через полчаса окажется в городе, в котором не был почти двадцать лет.

Он обещал себе не думать, как это случится, но воображение несло его к давно забытым улицам и переулкам. Синее без облачка небо, низкие кривые сосны и даже стоящая вокруг тишина теребили старую ткань воспоминаний. Словно прорвало запруду, и Герман оказался посреди бурного и свое нравного потока. Зачем он вчера бросил дела и помчался за тысячу километров туда, где его никто не ждет? Увидел в соцсети некролог со знакомой фамилией и тут же сдернулся с места.

Несмотря на ранее утро, начинало припекать. Из-за горизонта вышло жаркое солнце. Над асфальтом дрожал разогретый воздух, дождевая влага быстро испарялась. Герман вспомнил, что ниже по трассе будет развилка. Там он студентом провел сотни часов, ожидая арендованные КамАЗ и кран, чтобы после развезти бетонные плиты по гаражам и дачам. Худой, с темной от загара кожей и выцветшими волосами, он стоял на пересечении дорог среди колыхания горячего марева. Вдыхал дурманящие запахи перегретого асфальта и расплавленной сосновой смолы, наслаждался знойным покоем. Тогда он, наивный, радовался счастью бытия, словно козленок, впервые выбежавший из загона на луг.

Герман затушил окурочок, подождал, пока с языка не уйдет вкус табака, и, прикрыв глаза, сделал глубокий вдох. Запаха смолы не чувствовалось, хотя вдоль обочины плотными рядами тянулся сосняк. Герман поморщился, развернулся и забрался в машину. Мотор взревел, внедорожник рванул вниз по дороге, проскочил перекресток и помчался дальше в сторону моря.

На въезде в город федеральная трасса закончилась. То и дело приходилось объезжать выбоины и неряшливые заплатки. Замелькали нестройные заборы частных домов и крыши с серым шифером и оранжевой черепицей. Справа показалось четырехэтажное здание, облицованное некогда белой,

а сейчас грязно-серой плиткой. Школа, в которой он учился. Вспомнились высокие потолки с лепниной и широкие коридоры с деревянными, крашенными бордовой краской полами.

Проехав школу, Герман свернул на бетонку, идущую в гору. Пропетляв узкими переулками, он остановился у каменной арки, закрытой облезлым деревянным забором. Перед калиткой стояла на треноге доска с неровной надписью мелом: «Аренда комнат посуточно».

Адрес дома Герман нашел еще в дороге, порывшись на местных сайтах. Его полностью устраивала узкая клетушка в восемь квадратов, общие душ и туалет. Главное достоинство конуры – двухметровое окно с видом на город. Герман, как только запер дверь, не разуваясь забрался на подоконник и прильнул к стеклу. Жадно вгляделся в ряды крыш, линии улиц и синее полотно моря со скорлупками кораблей на рейде. Широко улыбнулся. Наконец, спустя столько лет, он вернулся сюда.

Герман разместился, и хозяйка – смуглая татарочка лет тридцати – принесла нехитрый завтрак: глазунью в три яйца, чай и несколько ломтиков бордовой ветчины.

– У нас хороший город. – Она нерешительно протянула поднос с тарелками. – Некоторые на все лето остаются.

Герман заплатил за три дня вперед. Видимо, для хозяйки это было удачей, и она надеялась на продолжение.

– Да, город хороший, – кивнул он и улыбнулся. – Я, может, навсегда сюда переберусь.

Женщина подняла брови.

– Куплю дом. Буду каждый день на море ходить, бизнес открою. – Герман поставил поднос на журнальный столик и наблюдал, как на лице собеседницы недоверие сменяется оптимизмом: клиент оказался перспективным.

– Давайте мы вам дом найдем, – воодушевилась она.

– Спасибо. – Герман взял нож и разрезал желток. – Но сначала мне надо кое-что уладить.

Наспех закинув в желудок яичницу, он вышел за ворота и сел в машину. Доехал до центра города, попутно заметив, как за два десятилетия изменились дома и улицы. Где раньше едва держались старые развалюхи, теперь высилось нечто из стекла и металла. Кривые вековые акации местами сменились аккуратными, будто клонированными, кленами. Но в целом город остался прежним. Герман понял, что рад этому. Каждое встреченное новшество он воспринимал как личную утрату, словно его обокрали.

Из центра Герман добрался до автовокзала, а дальше, минуя вереницы беленых одноэтажных домов, проскочил до старого городского кладбища. Кладбище это, зажатое между болотом и частными кварталами, достигло своих пределов еще лет тридцать назад. Уже тогда начали хоронить в другом месте далеко за чертой города. Здесь же остались только семейные участки – уплотнялись новыми могилами поверх старых.

Он бросил машину на обочине недалеко от кладбищенских ворот, надел темные очки, кепку и, стараясь находиться в тени, прошел за ограду. Солнце палило, полуденный зной накрыл город. Высоко в прозрачном небе острыми крыльями чертили круги стрижи. Герман обрадовался, узнав старые могилы и пересечения извилистых дорожек между оградками. В детстве он часто бывал здесь с родителями и легко нашел бы деда с бабкой и еще каких-то родственников, которыми никогда не интересовался. Но Герман пришел не к ним. Поплутав четверть часа, он наконец увидел тесную толпу, венки и бордовую крышку гроба с черной бахромой.

Плотный ряд высоких надгробий надежно скрывал Германа, зато он хорошо видел происходящее. Сперва люди молчали. Лишь изредка слышались всхлипы и женские слезные причитания. После начались речи. Долетало: «Виктор...», «хороший друг...», «любовь к жизни...», «рано ушел...» Герман жадно вглядывался в лица. Время изменило многих, но он все же узнал тех, кто, казалось, безвозвратно канул на илистое дно памяти. Ил зашевелился, высвобождая все, что в нем спрятано и погребено. Студенческие одноклассники, бывшие партнеры по бизнесу и просто когда-то мельком знакомые люди выпархивали из темноты забвения, словно персонажи старого кинофильма.

Зной раскалил кладбищенский камень и выпарил остатки влаги из пересохшей земли. Воздух застыл вязкой жаркой массой. Пот тек по лицу, волосы под кепкой вымокли, сердце гулко ухало. Траурная церемония заканчивалась. Речи стихли. Толпа расступилась, обнажив обтянутый бордовой материей гроб. В нем лежало тело в черном костюме. Со своего места Герман не мог рассмотреть лица. Видел лишь размытое белое пятно с торчащим заостренным носом. Но Герман знал, кто перед ним, и впервые за много лет смотрел на него, не пряча глаза.

Гроб заколотили и на брезентовых стропах опустили в могилу. Рабочие взялись за лопаты. Яма наполнялась, постепенно на ее месте вырос коричневый земляной горб. Герман, казалось, перестал дышать. Сердце стучало, как после быстрого бега.

Несмотря на жару, накатила волна озноба. Герман словно завис в безвременье и пропустил момент, когда люди двинулись с кладбища.

– Черт! – Он бросился к машине и рванул с места, не проветрив душный перегретый салон.

Внедорожник, поднимая пыль, несся по улицам. Сквозь открытое окно серая взвесь врывалась внутрь машины. Герман давил на газ, пока не запетлял по узким улочкам старого района и не уткнулся в глухой тупик. Только тогда Герман обмяк, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

«Ну, вот и все... Свободен...» – прошептал он едва слышно. Ему второй раз за день вспомнился знойный перекресток на въезде в город. Почудились жар нагретого солнцем асфальта, оглушительный стрекот цикад в придорожной траве, дурманящий запах сосновой смолы. Он будто увидел, как из-за пригорка медленно выплывает темно-зеленая кабина КамАЗа. Грузовик беззвучно приближается. Видно, как под тяжестью просели рессоры – кузов доверху заполнен серыми бетонными плитами. Когда до машины остается метров двести, словно на фотобумаге проступают водитель и пассажир. За рулем сидит Гарик – старый армянин с почерневшей морщинистой кожей, рядом с ним – Виктор. На нем белоснежная пижонская майка, козырек красной бейсболки отбрасывает тень на лицо, оставляя на свету только улыбку. Виктор поднимает руку и машет...

Герман тряхнул головой, отгоняя видение. Достал из бардачка цветастую пачку, извлек сигарету, прикурил и жадно затянулся. Табак показался безвкусным. Выбравшись из салона, Герман постоял, наблюдая за кружащими в небе стрижами, затушил окурок и пешком двинулся в сторону центра. Хотелось пройтись по знакомым улицам, подошвами почувствовать разогретый камень, погрузиться в звуки и запахи, снова стать своим и в себе разбудить забытую любовь к родному городу. Вернуть ампутированную молодость.

Плотная тень акаций, серый ракушечник зданий, желтый булыжник старой мостовой в выбоинах асфальта. Где-то прорвало трубу, и веселый ручеек бежит вдоль бордюра. В детстве Герман гонял по этим улицам на велосипеде, бегал вприпрыжку с ватагой пацанов, гулял ночи напролет. Остался в городе после школы и поступил в приборостроительный институт. Город был словно второй кожей, наполнял легкие, проникал в кровь, задавал ритм сердцу. Но то время безвозвратно прошло.

Герман смахнул пот с лица и огляделся. Ноги привели его к огромной монолитной пятиэтажке с гладкими белыми стенами, большими окнами

в пластиковых стеклопакетах и треугольной крышей с мансардой. Явно элитное жилье, индивидуальный проект. Новострой. Двадцать лет назад на этом месте стоял совсем другой дом – каменный, двухэтажный, щербатый от выбоин, оставшихся еще с войны. В нем Герман провел детство.

Он нашел скамейку возле молодого платана, забился в самую тень, не отводя взгляда от железобетонного монстра, на месте которого память рисовала призрачные старые стены, двор, выложенный неровным плоским камнем, арку с лепниной. Ладони вспомнили холодный изгиб латунной ручки на зеленой деревянной калитке.

Люди неторопливо шли мимо. Их не волновало, что раньше здесь стоял другой дом и текла иная жизнь. Лишь погода осталась прежней. Солнце придвинулось к самым крышам, чтобы дотянуться до каждого закоулка и уничтожить остатки прохлады. Белые стены пятиэтажки, казалось,плыли и отекали. В торце здания открылась дверь, и из нее вышел Виктор. Он надел красную бейсболку и зашагал в сторону скамейки под платаном. Герман сжался и замер, в голове панически застучало: «Ты же умер! Ты же умер!» Человек подошел ближе, повернул в сторону, и стало видно, что это вовсе не Виктор. Даже не похож. Герман обмяк, посидел, ожидая, пока успокоится сердце, поднялся и побрел вдоль улицы.

Только сейчас, всматриваясь в детали, он понял, как сильно на самом деле изменился город. Декоративная цветастая плитка под ногами, крашенные бордюры, пластиковый сайдинг фасадов, новомодные вывески и витрины. Словно любимая девушка нанесла на лицо кичливый макияж. Герману всюду чудилась красная бейсболка. Он то и дело вытягивал шею и оборачивался. Каждый раз ноги слабели и нехорошо крутило внизу живота.

Жара стала невыносимой. Герман окончательно понял, что отвык от здешней погоды. Дойдя до центра, он нырнул в ближайшую рюмочную. Крутые ступени уходили глубоко вниз, в царство прохлады и знакомых сладких запахов. Дубовая барная стойка, зеркала, круглые кресла на длинных ножках и смазливый барменша с пышным хаером. Герман заказал кофе и коньяк, отчаянно хотелось курить, но девушка погрозила пальцем, увидев пачку в его руке. Даже в такой мелочи город предательски изменился.

Герман вспомнил этот подвальныйчик. Раньше над входом красовалась деревянная вывеска под старину: «Погребок». В эту крысиную нору спускался его дед, а после и отец. Единственное место, где мож-

но было цивилизованно закинуть в себя сто грамм. Герман криво усмехнулся – теперь он продолжатель семейной традиции.

Прошло полчаса. Коньяк жаром расходился по телу, стены едва заметно качались и пульсировали. «Виктор, Виктор...» – билось в висках.

Они познакомились на первом курсе и вскоре стали лучшими друзьями. Выбили общагу, поселились в одной комнате. Там их и накрыли «святые» девяностые. Время перемен, надежд и отчаяния.

Заняться бизнесом предложил Виктор. Он всегда был на шаг впереди. В городе начался строительный бум. Каждый пытался застолбить за собой частную собственность. В спальных районах росли гаражные кооперативы, в пригороде и у моря – «фазенды». Казалось, чего проще – поехал на бетонный завод, закупился, нанял кран и грузовик. Но в реальности люди готовы доплачивать, чтобы кто-то за них все организовал – приехал, замерил, привез и смонтировал. Дело пошло. Ездили по дачам, собирали заявки, после нанимали транспорт и развозили бетонные плиты по стройкам. За полтора года они, как тогда говорилось, «поднялись» – купили на двоих списанный военный КамАЗ и старенький автокран с решетчатой стрелой, трехкомнатную квартиру и иномарку. А потом – «попали на деньги».

Герман заказал еще коньяка и, наплевав на запрет, закурил. Бармену грубо послал подальше. Сизый дым поднимался к потолку, сплетаясь в причудливые фигуры. Казалось, вокруг клубится само время – протяни руку и схвати ускользающее воспоминание. Завод в соседнем городе предложил им партию плит перекрытия – сорок вагонов по бросовой цене.

Посидели, посчитали – за полгода можно все раскидать и получить столько, что хватило бы на десять новых квартир. Но требовался аванс. Через знакомых афганцев вышли на серьезных людей с деньгами. Одолжили под акулий процент, отвезли на завод. Веселый менеджер принял у них нал, оформил договор, квитанции. Провозились с бумагами до вечера. Заночевали. Утром пришли на погрузку – никого. Кабинеты пустые, мебель выпотрошена, нетрезвый сторож мычит, что теперь у завода новый хозяин. Стали искать, требовать – в итоге с кровоподтеками и ссадинами вернулись домой.

Сигарета догорела. Герман потрогал языком бугорок шрама на тыльной стороне губы. Они тогда продали почти все, что у них было, но не закрыли и трети долга, а проценты капали...

Из-за барной стойки появились два молодых амбала, подошли вплотную. Бритые, в одинаковых черных майках, типичная провинциальная братва.

– Выкиньте эту пьянь отсюда! – заверещала за их спинами барменша.

– Слышь, мужик! – процедил тот, что стоял ближе. – Ты рискуешь здоровьем.

Мускулы под его майкой вздулись, по толстому шерботому лицу расплзлась ухмылка. Герман улыбнулся в ответ.

– Ма-альчик. – Он протянул руку, чтобы потрепать парня по щеке, но промахнулся и едва не упал. – Ты не знаешь, с кем я имел дело.

Пьяно махнул:

– Сво-обо-оден!

Его не стали бить. Просто вытряхнули из карманов наличность, выволокли на улицу и от души швырнули на тротуар.

Заметно стемнело и похолодало, но прогретый за день асфальт еще не успел остыть. Герман прижался щекой к пыльной шершавой поверхности. Двадцать лет назад таким же темным летним вечером он вытащил из сейфа остатки их с Виктором денег, взял общую машину, посадил в нее родителей и уехал в столицу. Он затерялся в мегаполисе, нашел денежную работу, женился, развелся, купил квартиру, потом дом, превратился в другого человека, вычеркнувшего из памяти прежнюю жизнь.

Герман долго не вспоминал родной город и тех, кто в нем остался. Лишь десятилетие спустя столкнулся в метро с одноклассником, приехавшим в командировку. Посидели в кафе. Тот многое рассказал. Выходило, что Виктору пришлось несладко. Бандиты выбивали долг привычными методами. Перестарались, и Виктор с тех пор передвигался в инвалидной коляске.

После той встречи Герман первый раз ушел в недельный запой. Потом взял отпуск, слетал на турецкий курорт, вернулся отдохнувшим и посвежевшим, и жизнь покатила дальше...

Рядом с тротуаром проехала легковушка, обдав вонючим выхлопом, послышались голоса, женский смех. Герман поднялся и, шатаясь, поплелся по темной аллее. Фонари здесь, как и двадцать лет назад, не горели. Он то и дело спотыкался и падал.

Через сотню метров повеяло освежающим морским ароматом. Герман по кривой пересек дорогу и очутился на набережной. Воду он не увидел. За парашетом, сколько хватало глаз, чернел безразмерный провал. Лишь вдалеке тусклыми точками поблескивали огни кораблей на рейде, и над головой изредка кричала невидимая чайка.

Герман перегнулся через перила и долго вглядывался, пытаясь рассмотреть хоть слабый отблеск морской поверхности. Колени и ладони саднило. Его

вырвало прямо в черную темноту. Еще раз и еще – до желчи и боли в желудке. Трясло и знобило. Герман сполз на землю, скрючился и замер, боясь пошевелиться. Лишь слабо бормотал: «Только не так... Не здесь...» Голова его медленно опустилась на грудь, и он задремал. Спустя час, вздрогнув, проснулся. Вскочил, слепо озираясь и мыча что-то невнятное. Побежал.

Он не знал, куда несут ноги. Просто механически передвигал ими как можно быстрее, жадно глотая ночной воздух, до боли в глазах всматривался в битый асфальт – лишь бы не упасть и не остаться на этих темных чужих улицах. Когда в конце узкого проулка он заметил металлический отблеск, то понял, что наконец нашел единственное безопасное место в городе. Внедорожник ждал, уткнувшись бампером в стену. Герман забрался в салон, заблокировал двери и провалился в безвременье.

Ливень гулко стучал по крыше. Герману казалось, что он ночует в пристройке во дворе родительского дома и ему снова пять. Сейчас придет мать и разбудит идти в садик. Герман приоткрыл глаза. Вода лилась по лобовому стеклу, пропуская в салон бледно-серый свет. Часы на приборной панели показывали пять утра. Голову сжимала тупая боль. Герман залез в бардачок, нашел таблетки, выпил и замер в сонном оцепенении.

Ливень прошел внезапно. Только что капли стучали по капоту, а через мгновение наступила тишина. Яркий утренний свет бил в глаза. Герман выпрямился, вставил ключ в замок зажигания. Мотор тихо заурчал. Послушная машина сдала назад, развернулась и покатила по переулку.

Город еще спал. Пока внедорожник петлял по улицам, навстречу попадались несколько ранних авто и сонные дворники, сметавшие тротуарную пыль в серые кучки. Наконец показалась федеральная трасса. Герман переключил передачу и выжал газ. Позади остались дома, начался редкий сосновый лес. Перед капотом замелькали лужи, разметка слилась в сплошную белую полосу. Машина с ревом проскочила перекресток и помчалась по дороге вверх, к холму. Герман вцепился в обод руля, в уголке рта тлела забытая сигарета. Герман знал, что больше в этот город никогда не вернется.



ПАТИНА

В полутемной ординаторской Виктор усадил журналистку за стол поближе к масляному радиатору, сам сел напротив. В тот же момент на улице гулко ухнуло. Один раз, второй, третий... После каждого взрыва с потолка мелкими хлопьями летела побелка. Девушка вздрагивала и, вцепившись в лежащую на коленях дорожную сумку, тревожно смотрела на лист фанеры, закрывавший окно комнаты.

Наконец взрывы стихли, и город снова погрузился в морозную ночную тишину. Виктор грустно улыбнулся:

– Не волнуйтесь, Нина. Скоро перестанете обращать внимание. – Он взял со стола чашку с недопитым кофе. – Человек быстро ко всему привыкает. Обстрелы, налеты – все нипочем становится. Дети и в подвалах продолжают играть в обычные игры... Вот вам настоящая тема для статьи, а из-за меня не стоило специально из Москвы приезжать.

Журналистка повернулась к нему и смахнула с глаз каштановую челку. Пальцы у нее дрожали.

– Это вам так кажется, Виктор Николаевич. – Девушка придвинулась к столу. – Люди в Москве не понимают, что здесь творится. Сидят в ресторанах и кафешках, ходят на выставки, сериалы обсуждают. Я хочу написать о том, как меняются приоритеты.

Виктор поставил чашку на стол и краем врачебного халата протер очки:

– Препарировать меня хотите?

– Можно и так сказать, если вас подобная формулировка не коробит. – Девушка посмотрела на Виктора в упор. – Мне дорого обошлось уговорить редактора на эту командировку, и я не отступлюсь.

Виктор надел очки и пристально посмотрел на собеседницу. Голубые с зеленцой глаза, маленький аккуратный нос, белая гладкая кожа – что-то в ее лице казалось неуловимо знакомым. Еще год назад он бы, пожалуй, за ней приударил. Но она права: многое изменилось. Виктор обвел взглядом ординаторскую. Заваленные бумагами столы, груда тарелок в раковине, на полу – электрическая плитка и белый эмалированный чайник на ней. В углу – убранная кровать со скомканными простынями.

Чайник на плите забулькал и пустил белую струю пара. Виктор подошел к раковине. Трубы жалобно загудели, когда он открыл кран. Ледяная вода обожгла руки, но Виктор привык. Этой зимой горячей воды ждать не стоит. Он мельком заглянул в осколок зеркала над раковиной – шетина, красные опухшие веки, темные круги под глазами. Надо найти время немного поспать. Вытащил и сполоснул чашку с красным больничным логотипом, насыпал на дно коричневые гранулы дешевого растворимого кофе и залил кипятком. В нос ударил резкий запах женой пластмассы.

Журналистка сидела как прежде – выпрямив спину и положив руки на сумку. Виктор протянул гостю чашку. Девушка вышла из оцепенения, улыбнулась одними губами. Взяла кофе, и Виктор случайно коснулся ее пальцев. Холодных, тонких и твердых, словно окаменевших.

Он потянулся и вывернул ручку радиатора на максимум. Покачал головой.

– Нина, мне нравится ваша настойчивость. – Он снова сел за стол. – Вам сколько? Двадцать пять? Она вздернула подбородок:

– Двадцать девять.

Виктор ухмыльнулся:

– А вот мне сорок пять. В двадцать девять я тоже был полон амбиций. Выпустился из харьковского меда и работал здесь, в Горловке, в онкодиспансере. Мечтал стать врачом с мировым именем, дарить людям шанс на новую жизнь... – Он глотнул из своей чашки и поморщился – кофе совсем остыл. – В общем, классический комплекс спасителя. А шел тогда девяносто пятый год, если вы понимаете, о чем я.

– В девяносто пятом мне было только девять. Я мало что понимала, но кое-что помню. Родители тогда ездили челноками в Польшу. Крутились как могли. Мы с сестрой по неделям оставались одни. – Девушка поежилась и обхватила ладонями свою чашку. Над черной кофейной гладью поднимались едва уловимые прозрачные струи пара.

– Вот-вот. А врач особо не покрутится. Онколог – не стоматолог, свою практику не откроешь. Тут либо с пациентов мзду брать, либо по ночам калымить. Я и грузчиком работал, и бомбил на отцовской «Волге». М-да...

Виктор потер колено, встал и, прихрамывая, сделал круг по комнате. Журналистка открыла сумку, долго в ней рылась, будто не зная, что ищет, и наконец выложила на стол блокнот с белой потрепанной картонной обложкой. Секунду помедлила, глядя в исписанные листы, и начала карандашом делать пометки. Виктор снова подсел к ней. Поморщился:

– Разболелось колено. Видать, на мороз. Осколка уже нет, а боль осталась... На чем мы остановились?

– Вы говорили про ночные подработки.

– А! В том смысле, что люди ко всему привыкают. Я вот врач, но привык подрабатывать разнорабочим. Мои мать и отец до сих пор огородом живут. Держат кур, гусей, козу... Вполне обходятся натуральным хозяйством. Уж два десятка лет.

На улице заурчал мотор. Звук приблизился. Машина подъехала и остановилась под окном. Захло-

пали двери, заскрипел снег, послышались приглушенные голоса.

Гостю снова с тревогой посмотрела на окно. Виктор поспешил ее успокоить:

– Привезли пациента. Дежурный врач разберется. – Он большим глотком допил холодный кофе. – Знаете, Нина, что такое усталость металла?

– Да. – Она кивнула. – Металл ломается, если давить достаточно долго.

– Если и не ломается, то деформируется. Когда у тебя в коридоре нескончаемая очередь и надо успеть всех за смену принять, когда твои пациенты один за другим превращаются в ходячих мертвецов, то, знаете ли, восприятие жизни меняется не в лучшую сторону. Через десяток лет подобной работы чувства притупляются, и человек становится наподобие бронзового истукана – тяжелым и неповоротливым. Все от него отскакивает, и никто не может сдвинуть. Стоит он одиноко в окружении голых деревьев. Нет ни дома, ни жены, ни детей. Ни любви, ни сострадания.

– Вы не были женаты?

– Был шанс, но до женитьбы не дошло. Знаете, как это, когда утром просыпаешься и ничего не хочется? Кое-как встаешь и на автомате едешь на работу. И так проходит день, будто ты и не просыпался вовсе.

– Да, я знаю, – прошептала девушка. – Со мной такое случилось, когда я потеряла сестру-двойняшку. У меня никого никогда не было ближе...

За стеной послышались торопливые шаги, дверь в ординаторскую приоткрылась, и в щель просунулась рыжая вихрастая голова:

– Виктор Николаевич, ранение в брюшину. Мы готовим операцию.

Виктор кивнул:

– Да-да, Сережа, сейчас.

Голова скрылась. Виктор посмотрел на собеседницу. Ее лицо побледнело, на виске выступила синяя пульсирующая жилка.

– Не место вам здесь, Нина.

– Нет-нет, я чувствую, что не зря к вам попала. И что же случилось дальше?

– Да вот, собственно, и вся история. Я еще в две тысячи пятом после оранжевой смуты решил уехать из страны. Начать все с чистого листа где-нибудь в Европе. Почти десять лет копил деньги, наводил мосты. И вот, внезапно война. – Он вздохнул. – Не верилось, что до этого дойдет.

– Вы летом оставались в городе?

– Да. Я тогда уже из онкодиспансера уволился.

Собирался бежать через Ростов, но потом попал под авианалет. Стоял на автобусной остановке рядом с УВД, и только слышу: «Чмак!» В ушах звенит, вокруг люди кричат, женщина с дырой в груди на дороге лежит. Хотел подойти, а нога не идет. Смотрю, вся штанина в крови.

Виктор потер колено.

- Привезли меня сюда, в больницу. Коридоры людьми забиты, персонала не хватает. Осколок кое-как вытащили, заштопали ногу, и пока рана заживала, я начал помогать местным врачам. Не смог просто так смотреть. Я ведь не хирург и даже не терапевт. Пришлось многое вспоминать, на ходу переучиваться. Когда начался штурм города, совсем перебрался в больницу. Тут ад творился. Помню, женщина привезла мертвую дочку лет пяти. Таскала ее по этажам, умоляла спасти...

На потолке моргнула и зажужжала лампа дневного света. Где-то громко хлопнула дверь. Виктор замолчал. Его собеседница снова поежилась, посмотрела в блокнот:

- Что же с Европой, с деньгами?
- Да вот. Все как-то незаметно ушло. – Виктор улыбнулся. – Поначалу здесь даже перевязочного материала не хватало, приходилось самим заказывать в Ростове. Некоторых больных переправляли за свой счет в Москву. – Он сделал паузу. – И знаете что? Вокруг кровь, страдания, а чувствую себя лучше, чем за прошедшие двадцать лет.

Журналистка оторвала взгляд от блокнота. Виктор помотал головой.

- Нет-нет, не подумайте. На многое здесь смотреть без слез невозможно, и очень хочется, чтобы все быстрее закончилось. Но с меня будто сошла патина. Я стал чувствовать себя живым. Каждая спасенная жизнь что-то во мне меняет.

Заиграла бравурная мелодия. Виктор опустил руку в карман халата, вынул мобильник, поднес его к уху:

- Да-да, Сережа, уже иду. – Дал отбой и встал из-за стола. – Извините, Нина. Я пришлю кого-нибудь, чтобы вас устроили на ночь. Утром будет автобус на Донецк. Уезжайте обратно в Москву и возвращайтесь, когда наступят мирные времена. У нас зеленый город, реки и речушки, художественный музей с картинами Рериха.

Он пошел к двери.

- Стойте! – раздался хриплый крик за его спиной. Виктор обернулся. Журналистка стояла у стола, направив на него массивный пистолет. Раскрытая сумка валялась на полу.

Виктор замер и с удивлением уставился на гостью. Ее лицо было абсолютно белым, на глазах выступили слезы, ствол пистолета ходил ходуном.

- Я вас долго искала, Виктор Николаевич. – Она шмыгнула носом. – Помните Ирину Воробьеву? Она лечилась у вас в две тысячи десятом.

Виктор растерянно покачал головой:

- Нет, Нина, не помню.
- Это моя сестра. В две тысячи восьмом она вышла замуж и уехала сюда, в Горловку. – Девушка переступила с ноги на ногу и подняла пистолет выше, целясь Виктору в голову. – Когда я ее к себе в Москву перевезла, было уже поздно.
- Я не помню... – Виктора замутило.

Лампа на потолке перестала гудеть, щелкнула и засветилась ярче.

- Поверьте, Виктор Николаевич, я хороший журналист. Как думаете, может врач ради переезда в Европу сбывать лекарства на сторону, а больным вводить разбавленную бурду?

Виктор сглотнул, сделал шаг назад:

- Меня ждет пациент.
- Стой! – Девушка придвинулась и зло процедила: – Нашел он себя, людей спасает. А кто за старое ответит?

Виктор опустил голову и хрипло произнес:

- Вот оно как. Выходит, от себя не убежать. – Он снял очки и устало потер пальцами глаза. – Мне очень жаль, Нина.

- Это все, что вы можете сказать?! После всего, что сделали? – По бледным щекам девушки потекли слезы. – Сестра была частью меня...

- Простите, если сможете, – прошептал Виктор.

- Боже! – Лицо девушки скривилось, ее пальцы на пистолете побелели от напряжения. – Я уже три года живу как в тумане. Ты отнял у меня жизнь... – Она громко всхлипнула.

Виктор покачал головой:

- Нина, я не могу вернуть вашу сестру. Мне это нести до смерти. – Он развернулся и, сгорбившись, похромал к двери.

За его спиной грохнул выстрел.

